

Борису Викторовичу
Метцгеру

Это счастье, когда ты находишь себя
В перекрестьях земных бесконечных дорог,
И когда, улыбаясь и хмурясь, судьба
Не позволит согнуться под грузом тревог.
Ведь прапрадед из Лейпцига тоже искал,
Не сиделось на месте, фортуна вела.
Потому и в Россию когда-то попал,
Что она в фотосъёмках небесных была.

Патриарха семьи упокоил Урал,
А прабабушка в Троицк перебралась,
Но теперь и дед – Фёдор – упорно искал,
Видно чувствовал с Омском незримую связь.
А история летопись кровью вела.
Перемалывал род сатанинский ГУЛАГ.
И утрата в семье чередою пошла...
Мало кадров из памяти детской, лишь мрак.

Фотоленту готовил Всевышний ему,
Только кто бы намёк хоть какой-нибудь дал.
А все качества немца служили тому,
Да к тому же – усталости как бы не знал.
Он врождённую лёгкость обрёл на подъём,
Опыт трудного детства в нём стать укрепил.
Потому и слагались легенды о нём,
И народ его качества боготворил.

В нём ответственность – это не просто слова.
Подтвердят это все, с кем сводила судьба.
В нём сизмальства потребность трудиться была,
Сразу работоспособность вступила в права.
Детство долго кружилось лишь возле него,
И лишь только когда в семью дяди попал
Наконец-то почувствовал прелесть его,
Потому, что родным для родителей стал.

К фотографии Боря не сразу пришёл.
Только в классе седьмом он увидел процесс,
И с таким интересом к нему подошёл,
Что уже не оставил его интерес.

Заработал на «Смену» своим он трудом,
Рядом в плодopитомнике пот проливал.
А сосед научил фотоделу потом,
И уже в восьмом классе друзей он снимал.

А потом была Армия, Дальний Восток,
В память фото о всех сослуживцах лежат.
И уже в нём работал невидимый ток,
А активность его была выше преград.
После службы устроился токарем он,
Но болванки точить было скучно ему,
А завод был таким шустрым парнем пленён
Предложил комсомольцев вести потому.

А затем институт, факультет и декан,
Что питал к фотоделу завидную страсть.
Тут, конечно, забил с двойной силой фонтан,
Но карьера ещё не вступила во власть.
У студентов и лекции, и стройотряд.
А Борис не пустым возвращается в город.
Сразу понял декан, что здесь не без наград,
И звонит в телерадио, благо есть повод.

Тут же вечером вышел в эфир репортаж
И весь город фамилию Метцгер услышал.
Приглашён был Борис на работу тотчас,
Сомневался – декан убедил, так всё вышло.
Наработанный опыт дремал в нём давно.
Кристаллинская Майя концерты давала.
«Молодой сибиряк» не нашёл никого,
И газета студента командировала.

Результат Савин, честно признаться, не ждал,
Но внештатник принёс просто дивные фото,
И тогда к нему каждый, конечно, пристал:
«Как да как?» - просто так, коль по сердцу работа.
Он всегда может каждого уговорить,
От ревушего чада и до президента,
Лишь бы только была бы возможность творить
И оставить истории чудо момента.

Он с натурой своей в дверь любую входил,
Ну, а тут ещё «корочка» корреспондента.
В связи с этим и быстро момент наступил
Без смартфонов, Фейсбука и без Интернета.

Отовсюду запросы на студию шли,
Из центральных газет и агентств новостей,
А Борис не ленился и кадры пошли
По доступным каналам различных мастей.

И Москва положила на Метцгера глаз:
Брежнев, Ульбрихт, Броз Тито и Живков, и Коль!
Сколько снял знаменитостей Метцгер для нас!
Он работает с жаром, его не неволь.
На него из столицы заявка пришла,
И он с фотобригадой попал на хоккей.
В ФРГ та прошла мировая игра.
Отснял Метцгер её для советских людей.

А потом прошла выставка фоторабот,
Был успех, приглашение «имперских газет»,
Только Метцгер вернулся в свой Омск, в круг забот,
Чтобы здесь его кадры увидели свет.
Километры отщелкал он плёнки в пути,
Сохранив для нас время, события, лица;
И в коллекции Метцгера можно найти
Всех, кем Омск может просто по праву гордиться.

Кое-где и портреты архивными стали,
Просто классикой стали за давностью лет.
Пусть портреты связь с автором и потеряли,
Только автор всё помнит, и лица, и свет.
И когда создавался Азовский район,
Фотолетопись сразу стал Метцгер вести.
В первых фото в газету его взгляд и он,
А потом разошлись с «Ihre Zeitung» пути.

«Ihre Zeitung» в Азово перебралась.
Там свои фотокоры, конечно, нашлись.
Зато с омской культурой наладилась связь,
В Гор. Админе все снимки по вкусу пришлись.
Метцгер наш не ленив; и хочу-не хочу:
Он отснял, распечатал и сдал материал.
Потому ему больше других по плечу,
Что спиною вперёд он, снимая, бежал.

Как-то раз он к Кармаеву в кадр попал
Когда сам на дистанции с сумкой большой
Так, спиною вперёд, марафонца снимал.
Был всегда впереди, не лицом, так спиной.

И когда в 90-тых, чтоб выжить в стране
Потянулся кто мог за не лишним рублём,
Метцгер так и остался стоять в стороне,
Пробивался картошкой, но профи жил в нём.

Независимым был он профкомом друзей:
Помогал своим именем, делом, советом,
Собирал в объектив интересных людей,
Чем историю города делал при этом.
А теперь он жалеет лишь только о том,
Что историй всех в памяти не сохранить,
Журналист был под боком, работал пером.
Самому надо было перо в ход пустить.

А ведь и журналисты жалеют о том,
Что им тоже в текучке пришлось упустить,
Что они не писали о Боре, о нём,
Кто затвор в позе йога мог часто спустить.
Ради кадра, который его привлекал,
И особенно «сверху», чтоб взять общий план,
Красноречие Метцгер такое включал,
Что объект и режимный ему уступал.

Как-то раз был совсем несмешной эпизод.
Грандиозного общего плана хотел.
Запускал что-то новое нефтезавод,
Как обычно, он тут оказался у дел.
Был уже выше всех, бросил зоркий свой взгляд,
Захотелось масштабнее снимок заснять,
Отбежал эстакадой и кадр был отснят,
Но назад уже некогда было бежать.
Вниз взглянул и решил, что не так высоко,
Белым снегом покрыта площадка под ним,
Прыгнул и приземлился шутя и легко,
Только в ёмкость с мазутом иль с чем-то таким.
Был теперь фотокор чёрный, как папуас,
Всю одежду пришлось на морозе снимать.
Так он, с риском для жизни, но камеру спас,
Хоть водитель в машину боялся пускать.

Все коллеги ему дифирамбы поют.
Лёгко в жизни, в работе, поможет всегда.
И потребность широкой души – это труд.
В этом плане простоев не знал никогда.
Любит Метцгер порадовать просто людей.

Легендарная скорость – без тормозов.
Он отснимет событие и без затей
Дарит гостю портрет, что оформлен, готов!

И Ульянов портрет с удовольствием взял,
Кто подобную роскошь вниманьем не чтит?
И Манякин себя удивлённо узнал,
И, конечно, семья эту память хранит.
Вот такой Борис Викторович миллионер!
Миллион персонажей, которых снимал,
Миллион километров – шагал, где хотел,
Миллион самих кадров, что Метцгер отснял.

Увлечение стало профессией в нём.
А в профессии он высоту покорял.
И в эпоху мы Метцгера тоже живём.
Время кадрами хроники он поверял.

Валентина Тен, 17.03.2019